
УДК 94(100)“1914/1919” +
+ 94(470)“1917” +
+ 355.257.72(430)(470.5)

Андрей Бушмаков

ВОЕННЫЙ ПЛЕН В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (1914–1922)

Рец. на кн.: Суржикова Н. В. *Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.)*. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 423 с.

MILITARY CAPTIVITY IN THE RUSSIAN PROVINCE (1914–1922)

Review of: Surzhikova N. V. (2014). *Voennyj plen v rossijskoj provintsii (1914–1922)* [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)]. 423 p. Moscow: Politicheskaya encyclopediya.

This is a review of a monograph by historian N. V. Surzhikova, *Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)* (Moscow: Politicheskaya Encyclopediya, 2014) published for the series *World War I. A Great War. 1914–1918*. The reviewer acknowledges the value of the archival material supplied in the work but is critical of its interpretation. The author's use of sociological concepts, though justified, has a number of flaws in the research's theoretical model. Additionally, the reviewer maintains that it is incorrect to apply the terminology of professional identity to the category of employment.

Key words: world war; Russian captivity; prisoners of war; revolution; civil war.

Рецензия посвящена монографии историка Н. В. Суржиковой «Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.)» (М. : Политическая энциклопедия, 2014), изданной в рамках серии «Первая мировая. Великая. 1914–1918». Рецензент признает ценность приводимого архивного материала, высказывает целый ряд замечаний по их интерпретации: применение автором социологических концептов, в целом оправданное, имеет существенные просчеты в теоретической модели исследования. Представляется некорректным распространение понятия профессиональной идентичности на категорию занятости.

Ключевые слова: Первая мировая война; российский плен; военнопленные; революция; Гражданская война.

Книга Натальи Викторовны Суржиковой посвящена военнопленным Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, находившимся на территории Среднего Урала в период с 1914 по 1922 гг. Автор рассматривает пребывание пленных с разных сторон: демографической, политической, экономической, культурной, описывает политику по регулированию жизни пленных центральными и местными властями, пытается реконструировать практики взаимодействия между пленными и местным населением, показать особенности их хозяйственного использования в экономике Урала рассматриваемого периода.

Источниками для проведения исследования послужили документы центральных и местных архивов: Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Пермского края, Государственного архива Свердловской области. Привлечены также документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центра документации общественных организаций Свердловской области, государственных архивов Челябинской области, Шадринска, Тобольска и др. Широко использованы материалы периодической печати, как центральной, так и местной, официальные вестники и другие печатные издания исследуемого периода, источники личного происхождения, музейные коллекции.

Впечатляющий список архивов, в которых поработал автор, следует дополнить не менее внушительным количеством просмотренных фондов. Только в пермском госархиве Н. В. Суржикова использовала документы полутора десятков фондов как досоветского, так и советского периода. К сожалению, в книге отсутствует список использованных архивных материалов, также вызывает недоумение использование автором «слепых» ссылок на архивные источники с указанием одних архивных шифров. Эта небрежность, вместе с отсутствием специальной главы, характеризующей источниковую базу исследования, и редкостью упоминания названий источников в тексте превращается в существенный недостаток монографии. При переиздании книги автору было бы целесообразно выделить отдельную главу для характеристики используемых в работе источников.

В первой главе книги дается основательный обзор отечественной и зарубежной историографии по теме исследования. Н. В. Суржикова весьма критично отзывается о современной отечественной историографии изучения пленных Первой мировой войны, «уныло воспроизводящей» стандартные описания пленных по схеме «право военнопленных, их численность, состав, размещение, обеспечение, труд, контакты с местным населением, участие в политическом процессе и, наконец, репатриация» (с. 42).

Вторая глава посвящена статистическим данным о пленных и анализу динамики их численности, занятости и перемещений. Здесь же

автор рассматривает политику властей в отношении использования пленных, приходя к выводу, что в России уже в начальный период войны их стали рассматривать и использовать как экономический ресурс, задействовать хоть и не всегда эффективно, но регулярно, применяя их труд в самых разнообразных отраслях хозяйства Урала.

Экономика плена рассматривается в третьей главе монографии Н. В. Суржиковой, также на основании обширного количества архивных материалов. Автор показывает многообразие форм вовлечения пленных в хозяйственную деятельность, фиксирует невысокую эффективность их как работников, связывая ее с низкой мотивацией к труду. Эта проблема так и не была решена до конца существования российского плена в период Первой мировой войны, что, однако, не приводило к отказу от их принуждения к труду. И местные власти, и администрация предприятий, и частные лица, использовавшие труд пленных, продолжали бороться за достаточно сомнительный с экономической точки зрения трудовой ресурс.

В четвертой главе книги объединены «политико-идеологические манипуляции» с пленными царского правительства и сменивших его властей эпохи революции и гражданской войны, включая как большевиков, так и их противников. Автор показывает непоследовательность попыток российских властей в 1914–1917 гг. сконструировать из этнически и конфессионально близкой к русским части пленных особые группы и ранжировать их с точки зрения предполагаемой лояльности к России. Не совсем понятна логика, позволяющая Н. В. Суржиковой рассматривать как одну проблему попытки царского правительства сформировать из военнопленных славян новых союзников и разделить всех пленных по этническому и конфессиональному принципам и практику использования большевиками «интернационалистов» из числа бывших пленных. Вероятно, она связана с выявленными автором материалами, демонстрирующими непоследовательность и хаотичность в вопросе о судьбе пленных как царского правительства, так и всех последующих российских властей периода 1917–1922 гг.

Пятая глава содержит анализ существования военнопленных Первой мировой войны в России с использованием понятийного аппарата социологии. Она представляется достаточно спорной попыткой рассмотреть пленных как часть российского общества. В следующей главе, озаглавленной «Плен после плена», повествуется о судьбах бывших пленных после окончания войны, сложностях процесса их репатриации. Наконец, последняя, седьмая, глава – «Военнопленные: штрихи к коллективному портрету» – снова насыщена статистической информацией, которая, по мысли автора, призвана показать «отличия, которые “работали” на усложнение рисунка плена» (с. 328). В ней Н. В. Суржикова пытается систематизировать и интерпретировать количественные данные, почерпнутые из разнообразных источников, представив их в многочисленных таблицах и диаграммах.

Сомнительная, с нашей точки зрения, успешность этих интерпретаций связана не только с неполнотой статистических данных, но и с допущенными методологическими небрежностями. Примером такой небрежности является использование социологической модели профессиональной идентификации применительно к материалам о бывших занятиях пленных, зафиксированных в документах. Представляется некорректным использовать понятия профессиональной идентичности, которое в социологии обычно применяется для современного индустриального общества, где профессия далеко не тождественна занятию, к золотарям, конюхам, пекарям, сапожникам и т. д., обнаруженным Н. В. Суржиковой в архивных документах.

Из материалов, представленных в книге, вполне очевидно, что для российских чиновников пленные являлись ценным ресурсом, который необходимо было учитывать, распределять и контролировать его использование. В подобном же качестве они выступали и для остальных субъектов административно-хозяйственных взаимодействий: администраций горных заводов, промышленников, городских управ, земств, а также отдельных лиц, использовавших их труд: крестьян, священников и др. Военнопленные воспринимались, прежде всего, как дешевая, почти бесплатная рабочая сила, по определению не имевшая никаких социальных прав и потребностей, кроме удовлетворения необходимого физиологического минимума.

Нет оснований считать пленных 1914–1917 гг. особой социокультурной группой, включенной в состав российского общества. Н. В. Суржиковой, на наш взгляд, не удалось продемонстрировать такую степень интеграции пленных, которая давала бы возможность утверждать подобное. Они были изолированы и в большинстве случаев редко контактировали с местным населением, их привозили на время и затем возвращали в лагерь. Слабые социальные связи, возникавшие между отдельными группами пленных и местными жителями, были недостаточно устойчивы, чтобы говорить об этих людях как о части провинциального общества.

Следует отметить, что после марта 1918 г. военнопленные официально перестали быть таковыми, став «бывшими», людьми с совершенно непонятным социальным статусом. Фактически институт плена, созданный российским государством в годы войны, разрушился еще раньше, вместе с самим этим государством в 1917 г. С разрушением этого института пленные утратили свой четко определенный царскими властями статус и стали маргиналами, борющимися за выживание в условиях социального хаоса, эпидемий, голода и гражданской войны.

Попытка автора применять для анализа материала социологические концепты сама по себе заслуживает похвалы и выгодно выделяет книгу Н. В. Суржиковой из множества трудов современных российских историков. Однако теоретическую модель исследования в целом вряд ли можно считать удачной и продуманной. Некоторые термины,

такие как «социальное тело», представляются устаревшими и непонятны в контексте исследования. Рассуждая об интеграции чужаков в местные социальные структуры, Н. В. Суржикова не очень удачно применяет концепцию основателя Чикагской социологической школы Р. Э. Парка, писавшего о социальной сегрегации в городском пространстве на примере большого города индустриальной эпохи. Работы Р. Э. Парка, посвященные анализу особенностей интеграции разных групп эмигрантов в условиях стабильного американского общества, вряд ли могут стать основой для изучения принципиально другого типа социальной среды, в котором оказались пленные в России в 1914–1922 гг.

Таким образом, пятая глава книги выглядит как наиболее новаторская, но и наиболее проблемная. На наш взгляд, Н. В. Суржиковой не удалось показать военнопленных 1914–1922 гг. как часть российского общества, и ее выводы представляются весьма спорными. Нельзя согласиться с высказыванием о «росте социальной активности» пленных (с. 263), проявившемся, по мнению автора, в отказах от работы и побегах. Неубедительной представляется и попытка анализировать собранные факты возврата некоторых пленных к привычным для них в мирной жизни видам хозяйственной деятельности. Автор некорректно использует термин «социализация», когда говорит о социальной памяти: «Социализация пленных могла оборачиваться ресоциализацией, поскольку далеко не всегда требовала освоения ими каких-то диковинных ролей» (с. 264). Феномен социальной памяти в данном случае не имеет прямого отношения к процессу социализации, да и случаи, когда отдельные бывшие военнопленные, с разрушением института плена, стали занимать подвернувшиеся им ниши в российском обществе, вряд ли позволяют говорить об успешной социализации основной массы пленных. Приводимые примеры сожительства пленных с местными женщинами для 1916–1917 гг. представляются не столь типичными, чтобы делать какие-либо обобщения. Те же примеры, где пленные действительно женятся, приобретают социальную роль и связанный с ней статус в рамках института семьи, относятся уже к периоду «плена после плена», когда бывшая территория империи представляла собой слабо структурированное социальное пространство, где между людьми и группами населения отсутствовали сколько-нибудь устойчивые социальные связи.

Поэтому весьма сомнительным кажется утверждение, что плен способствовал формированию новых социальных структур (с. 269). В условиях распада и атомизации российского общества, с весны 1917 г. на смену поддерживаемому царским государством социальному порядку пришел социальный хаос; отдельные группы и группочки «окукливались», дистанцируясь от остальных, а социальные связи рвались. В этом социальном хаосе пленные стали маргиналами среди маргиналов, и говорить о формировании новых социальных структур явно не приходится. Прослеживая биографии отдельных бывших

военнопленных, Н. В. Суржикова описывает их социализацию в новом советском обществе, где некоторые из них даже оказались в составе элиты. Однако вошли они в это советское общество уже не как военнопленные, а как «сознательные рабочие», представители «трудящихся», «пролетариата» и т. д. – т. е. как люди, соответствовавшие критериям новой власти. Их прежний статус военнопленных в дореволюционный период стал всего лишь моментом биографии, уже не имевшим принципиального значения, как не имел значения, например, статус героя «империалистической» войны.

Неоспоримым достоинством исследования является громадное количество и разнообразие использованных источников, прежде всего архивных документов. Книга содержит огромный массив информации и раскрывает феномен плена эпохи Первой мировой войны с разных сторон и во всех подробностях. Автору удалось показать противоречивый и непоследовательный характер политики в отношении к пленным центральных и местных властей, специфику их положения на территории Пермской губернии. Некоторая методологическая небрежность, недостаточная четкость логики исследования, приводит к неудачным интерпретациям собранного материала и некоторой сложности восприятия исследования читателем. Тем не менее, выход в свет монографии Н. В. Суржиковой «Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.)», несомненно, является большим шагом вперед в изучении данной темы.

The review was submitted on 24.05.2014

**Андрей Валентинович
Бушмаков**, к. и. н.
Россия
Пермская государственная
академия искусства и культуры
Bushmakov@yandex.ru

Andrey Bushmakov, Dr.
Russia
Perm State Academy
of Art and Culture
Bushmakov@yandex.ru